

Г а л и н а
А л ф е е в а

Е щ ё о д и н

16+

Галина Алфеева

Ещё один

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51597710

SelfPub; 2020

Аннотация

Смерть здесь, на склоне оврага, куда он сорвался, так и не убив своего последнего врага, была бессмысленной. Прозрачные, сияющие золотистыми лучами зори души предков и тех, кто сейчас гибнет там, в городе, будут молча с укором смотреть на него, когда он перейдёт границу бытия... Его не примут живые, его не примут и мертвые... Нет, пусть он не достоин жить, но он не может принять такую смерть! Взобраться назад, туда, на кромку, там умереть от руки врага и, умирая, забрать хотя бы ещё одного... Ещё одного... Каждый выбирает, для чего ему жить и за что ему умирать. Можно ли решать за другого? Они столкнулись на краю оврага: человеческая женщина и нелюдь-наарт, столкнулись как смертельные враги. Впереди у них нелегкая дорога в горы и не так уж много времени, чтобы сделать выбор и принять свою судьбу.

Он отёр с лица холодную влагу: мелкий дождь и липкий предсмертный пот. Лёжа на мокрой листве, мучаясь от боли, посмотрел вверх, на кромку оврага, за которой был город, его город.

Из-за кромки ползло чёрное сажное облако.

Город горел. Горел тяжело, чадя мертвечиной и сырыми, мокрыми от дождя балками; несмотря на дождливую и слякотную погоду, всё ещё горел, и некому было его тушить.

Уцелел ли кто-нибудь в этой бойне? Яд, который люди насыпали в колодцы, выкосил всех наартов за сутки. Те, кто, как и он, несмотря на горящие от боли внутренности, пытались сражаться, добивали на улицах. Тех, кто не в силах был выбраться из жилищ, сжигали вместе с этими жилищами.

Наарты сильнее людей. Наарты быстрее. Наарты могут говорить друг с другом мысленно и чувствовать друг друга на расстоянии. Но сейчас они умирают – как племя, как народ, как хозяйева этой земли. Им не позволяют жить – даже рабами. Людям не нужны рабы, которые быстрее, сильнее, умнее, сплоченнее, даже если и не коварны. Наарты должны умереть...

Он не боялся смерти, хотя был и молод, и силён, и мог бы, наверное, прожить долго. Не боялся, потому, что умел и сражаться, и охотиться – как любой из мужчин его племени – и знал, что такое смерть. Не боялся, но всё тянул, не мог её принять; и она, словно хищный зверь, похаживала вокруг,

пофыркивала, обнюхивала, примеривалась...

Но, не сдаваясь смерти, он не мог, однако, и выбрать жизнь: выживешь, доберёшься за перевал, к северным поселениям и, словно проклятие, будешь носить на себе презрение за своё малодушие, бессилие и страх. Будешь слышать не слова, будешь слышать мысли: даже за стенами дома, даже в лесной чаще, даже в скалах, – будешь слышать их всю жизнь...

Смерть здесь, на склоне оврага, куда он сорвался, так и не убив своего последнего врага, была бессмысленной. Прозрачные, сияющие золотистыми лучами зори души предков и тех, кто сейчас гибнет там, в городе, будут молча с укором смотреть на него, когда он перейдёт границу бытия...

Его не примут живые, его не примут и мертвые...

Нет, пусть он не достоин жить, но он не может принять такую смерть! Взобраться назад, туда, на кромку, там умереть от руки врага и, умирая, забрать хотя бы ещё одного... Ещё одного...

Он чувствовал, что там, наверху, кто-то есть. Тот, с кем он пытался биться, уже ушёл, не став спускаться, чтобы прикончить умирающего. Но приближался ещё один. Человек.

Слышать мысли людей наарты не умеют, но могут очень чутко слышать их голоса, запахи... Даже сейчас, когда запах гари забивает все остальные, и человек молчит, находясь где-то за кромкой, умирающий, слепой и глухой от боли наарт чувствует его сбивчивые шаги и прерывистое дыхание...

Успеть бы!

И он стал карабкаться по склизкой листве и стылой мокрой земле наверх... Рука ухватилась за край, стала ощупывать, ища устойчивое место, чтобы можно было взобраться.

Человек наверху бежал прямо к нему. Шаги были нетвёрдыми и легкими. Женщина.

Женщина, видимо, хотела спуститься в овраг. Она бежала к кромке, словно к последнему рубежу, к заветному укрытию, напрягая все силы, не размышляя, как будет действовать дальше. Уже на самом краю она повернула корпус вбок, притормаживая перед спуском, но этого движения было недостаточно для мокрой травы и скользкой земли: женщина соскользнула по ним вниз.

Она бы, наверное, ушиблась и ссадила кожу, быстро съезжая или катясь по торчащим из земли прутьям, корням, обломанным веткам, случайным камням. Часть её веса и скорости принял на себя наарт, на руку которого она чуть не наступила на краю оврага, и на которого она, в конечном счете, свалилась, прежде проехав вместе, то ли сцепившись, то ли обнявшись, несколько шагов по склону.

Эта человеческая женщина была везучей. И своим везением, как и своим весом, она поделилась с наартом: плавно съехав, они попали в кучу прелой листвы.

Несколько секунд оба лежали неподвижно, соображая, что произошло, потом отпрянули друг от друга, каждый потрясенный открытием.

Она осознала, что перед ней – враг, да, уже не такой сильный, но всё ещё опасный. И он может и хочет убить её.

Он... Он только сейчас, когда соприкоснулся с её телом, худым и гибким, понял, что в ней есть новая жизнь. И эта жизнь появилась внутри женщины благодаря его племени. Пусть не он – отец. Но это – его кровь, его плоть. И пусть той жизни не больше трёх недель от роду, и пусть она ещё не получила Голос, чтобы быть услышанной. Но она была там, в теле женщины. Он почувствовал эту новую маленькую, родную ему жизнь.

И смерть её почуяла. И поняла, что проиграла. Да, сейчас она заберёт большого, но уже ненужного на земле. Но маленький, нужный для продолжения рода, нужный для возрождения их племени, избежит гибели. Женщина, у которой достало смелости полюбить наарта, достанет смелости выжить и сберечь его ребёнка. Она найдёт дорогу к северным землям, где ещё можно жить в безопасности. Ребёнок родится, вырастет, потом вырастут его дети и внуки...

Собственная смерть для наарта более не была бессмысленной, и смерть человека более не была для него смыслом жизни. Он понял, что готов.

Женщина что-то сказала, он, не размыкая губ, сделал движение рукой, чтобы она поняла, что может и должна идти. Но она или не разгадала смысл жеста, или хотела прежде что-то узнать, потому что несколько раз произнесла, будто спрашивая, одну фразу. Он, морщась от боли, хотел сказать, что-

бы шла на север. Но сказать не получилось: вместо голоса раздался сип, гортань наполнилась солёным, изо рта потекла струйка крови. Смерть отомстила ему, напоследок отняв голос: женщина не могла слышать мысли, а он уже не мог говорить вслух. Впрочем, даже если бы и мог, едва ли женщина знала язык наартов.

В её взгляде лишь на мгновение проявились испуг и растерянность, на смену им сразу же пришла решительная сосредоточенность. Незнакомка похлопала себя по одежде, вспоминая, куда спрятала какую-то важную вещь. Должно быть, и в куртке, и в одежде под нею было немало потайных карманов. Обнаружив искомое, женщина вытащила его – какую-то маленькую, совсем крошечную склянку. На поясе знакомки была фляжка, она сняла её, открыла, влила несколько капель внутрь, чуть поболтала. Потом, довольно бесцеремонно схватив его подбородок и надавив на челюсть, заставила шире открыть рот и тогда уже став осторожной и бережной, напоила своим снадобьем.

Она расстегнула и его куртку, и свою, легла так, чтобы, не мешая дышать, согреть его теплом своего тела. И так лежала терпеливо, почти не ворочаясь, даже если немели рука или нога, пока не стало действовать лекарство или противоядие.

Что бы ни было в той её склянке, оно постепенно сняло боль и остановило пожар внутри него. Чувствуя свою слабость, наарт одновременно почувствовал и то, как слабеет и

удаляется смерть. Женщине – надолго ли – удалось её отогнать.

Незнакомка помогла ему встать. То ли когда лежала рядом, то ли сейчас вспомнила, но она сказала одно слово на его языке: «Вместе». «Вместе», и показала рукой вдаль.

Юуз, так звали женщину, немного говорила на языке наартов. Они шли очень медленно, часто останавливаясь. Он не терял сознания, но перед глазами всё плыло, действительность перемешивалась с воспоминаниями о последних днях, сегодняшнем и вчерашнем. Чувствуя, что наарт устаёт и тяжелеет, Юуз, поддерживавшая его, останавливалась. Если бы она хоть раз позволила ему упасть на землю, он бы, наверное, уже не встал. Снадобье спасло его, но не исцелило, и с каждой новой сотней шагов он всё больше убеждался в том, что сейчас только воля Юуз держит его на ногах, а может быть, и вообще держит в этом мире... Если он упадёт, хрупкая человеческая женщина не сможет поднять большого, крупнее всякого из её племени, мужчину. Но Юуз, тоже понимавшая это, всякий раз останавливалась возле деревьев, она приваливала наарта к стволу, тот хватался за дерево, пытаясь не сползти на землю, а женщина, упершись в него руками и сама едва отдышавшись, начинала говорить с ним: чтобы он не потерял сознание.

Вот тогда он и узнал, что её зовут Юуз. Это было в их первую остановку. Сначала она, то ли от потрясения, то ли

от стеснения, едва выжимала что-то внятное из себя, но каждым разом, с каждой их остановкой у неё получалось сказать лучше и больше.

Юуз была смышлёная, видя, что наарт не может говорить, она спрашивала и заканчивала вопрос словом «понимаешь». «Мы недалеко идти. Нужно отдыхать, лечить тебя. К людям нельзя. Ты знаешь, где можно спрятаться, понимаешь?» Он глазами отвечал: «Понимаю». – «Знаешь?» – «Знаю». – «Это сколько идти, понимаешь?» – «Понимаю» – «Сколько? До ночи прийти?» – «Да».

Он пообещал ей к ночи дойти до убежища, и теперь обещание нужно было сдержать. В лесу была землянка, где они с товарищами ночевали, когда охотились или рыбачили. Может, кто-то из выживших... Хотя – нет, он же сам видел, как они умирали...

«Там будут другие наарты, понимаешь?» – «Понимаю». – «Да?» – «Нет?..» Она, спрашивая, выглядела встревоженной. Трудно сказать, кого она боялась больше – его или своих соплеменников. Он, чтобы успокоить, положил свою ладонь на голову Юуз, и её голова почти полностью уместилась под его пятернёй. Она вздрогнула, замерла. Кажется, это было ей неприятно. Наверное. Она потеряла отца своего ребенка, это очевидно. Потеряла того, кто единственный имел право свободно прикасаться к ней. И тут чужак, недавно готовый её убить, по своей прихоти... Наарт быстро, хотя и осторожно, убрал ладонь.

Они, в конце концов, добрались до землянки. Только тут он провалился в сон, в забытье, в болезнь... Что делала Юуз, он не знал. Но, когда ненадолго приходил в себя, всегда видел её перед собой. Она не ушла, и если он правильно понял, она решила дожидаться его выздоровления и продолжить путь вместе.

Через несколько дней ему стало лучше. Юуз отпаивала его какими-то травками. Способность говорить вернулась, правда, голос был хриплый, страшный, неловко было пугать им женщину. Он раньше, вообще-то, часто бывал один, и говорил, если приходилось, чаще мысленно, поэтому молчать для него было удобнее и привычнее, его голос и раньше подолгу находился без дела. Но женщина ведь не слышит мыслей, с ней нужно говорить вслух.

Это, если подумать, не такое уж плохое качество: не слышать чужих мыслей. Если бы она слышала его, когда бежала к оврагу: в ту минуту он мечтал вырвать сердце или сломать ненавистному человеку позвоночник... Если бы чувствовала несдерживаемую огненную боль от яда, пока лежала рядом на мокрой листве... Если бы слышала его бессильную ругань и крик «Брось!», когда помогала идти по лесу... К счастью, она не слышала.

Вечером Юуз сидела у него в ногах и глядела на маленький огонёк щепы, освещавший землянку. Она не повернула головы, словно замороженная пламенем, только вдруг, по-

среди тишины спросила наарта: «Как мне звать тебя?» И он, будто с неохотой, отозвался: «Агсар».

Хотя они оба ни разу не назвали друг друга по имени, но сам обмен именами был для них чем-то очень глубоким. Чем-то вроде побратимства для этих двоих, поставленных войной на грань страха, недоверия, отчаяния и ненависти.

На следующий день Юуз куда-то пропала. Когда он проснулся, женщины уже не было, часы шли, а она не возвращалась. До сумерек оставалось совсем мало времени. Он несколько раз выбирался из землянки, ходил вокруг, пытаюсь её услышать. У него ещё не было сил уйти далеко и искать её по запаху, и оставалось только ждать, надеясь, что она вернётся.

У них заканчивались припасы, Юуз, должно быть, решила их пополнить. Но как? Собирает ли она где-то грибы и коренья? Или отправилась к своим, к людям?

В лесу на неё могут напасть звери, случайно уцелевшие наарты, да и люди могут оказаться опасны... Она не возвращается, потому что зашла слишком далеко или потому, что попала в беду? А может, вернувшись к своим, она переменяла решение идти на север...

Но Юуз вернулась. В руках у неё действительно была корзинка с собранными грибами и корешками, но не они были причиной её долгого отсутствия. Юуз ликовала. «Смотри!» – женщина торжествующе вытащила главный трофей – подбитую птицу. «Когда ты ещё болел и спал, я каждый день стре-

ляла. Прости, я взяла здесь твой лук. Я умею стрелять, но очень плохо. Я каждый день стреляла, но все ещё плохо. И стрелы ... не хочу сломать... Поэтому я искала птиц и кидала камень...» Искала она их, видимо, долго, и не раз просто распугала. Но, наконец, природа сжалась над Юуз, и той удалось из пращи подбить молодого рябчика.

Он сказал ей, чтобы она впредь предупреждала, куда идёт, но Юуз или не придавала его словам значения, или имела другое мнение насчет того, должна ли она сообщать ему что-то. Так или иначе, дней через десять, когда они добрались в его хижину в горах, история повторилась.

Он вернулся с охоты и не нашёл её в доме. Юуз, должно быть, пошла за водой. Но у ручья её не было. Быстро осмотрев окрестности, он нашел бадейку – на краю, на уступе недалеко от дома. Ни звери, ни люди, ни наарты не поднимались сюда. Если бы она проходя оступилась, бадейка бы не стояла так далеко от края, не стояла бы так ровно... Значит, Юуз сама зачем-то подошла к краю...

Туман поднимался почти до уступа, и, как этот туман, часто окутывавший горы, поднимался и окутывал крепкого и сильного наарта страх. Она была внизу.

Живая! Сердце билось, билось ровно.

– Юуз... Юуз!..

И её негромкое и радостное:

– Я! Здесь!

Она стояла на ещё одном уступе под каменным козырьком: сама спустилась туда, но вот выбраться в тумане не получилось.

Когда он вытащил её, Юуз не смогла сразу идти, опустилась на колени. Улыбалась, но губы дрожали.

– Зачем ты туда полезла?! Жить надоело?

– Я оставила соль...

– Соль? Зачем? Зачем?!

– Козы. Ты охотишься на них. Они любят соль, но не любят ровное место. Туда сами придут. Можно поймать живыми, будет молоко...

Он присел на корточки, чтобы взглянуть ей в глаза, взял за плечи и встряхнул:

– Не смей. Больше. Поняла?! Нужна коза – скажи мне.

Она расплакалась. Оттолкнула его, кое-как встала, забрала бадейку и пошла в дом.

Пусть плачет, заслужила. Но ещё одна мысль пришла ему в голову:

– Ты не кричала? Почему? Почему не позвала? Если бы я не окликнул, ты так бы и осталась там! Замёрзла бы и свалилась.

– Я звала, – всхлипнув, обиженно ответила она.

– Ты молчала. Если бы ты позвала, я бы услышал твой голос, наарты могут слышать дальше, чем люди, ты это знаешь.

– Я позвала по-вашему.

– Как?

– Сердцем. Ты пришёл. Значит, ты услышал.

Они долго молчали. Он делал вид, что сердится, хотя никакой сердитости уже не осталось. А вот Юуз, наверное, продолжала обижаться. Он поймал себя на мысли, что прислушивается к её сердцу. Ещё в землянке он стал его слушать. Это было единственной вольностью, которую он себе позволял. Сначала там, в землянке он хотел услышать сердце ребёнка. Но пока этого не произошло, срок не наступил, он слышал только сердце матери и – как-то незаметно привык к этому звуку. Сейчас, когда ребёнок дал о себе знать, Агсар порой слушал обоих, но первой для него всё-таки оставалась Юуз.

– Мы будем зимовать здесь. Зимой холодно и опасно, я не всегда могу быть рядом. Будь осторожной. Весной мы спустимся с другой стороны гор, там безопасно, ты сможешь гулять и делать, что захочешь, – сказал он, пытаясь помириться.

– Ты и там будешь ругать меня. Я знаю, – кажется, она тоже уже обижалась только для виду.

– Не буду. Я уйду. Отведу тебя к нашим и уйду.

– Ты уйдёшь биться с людьми?

– Я уйду защищать вас, если это понадобится. Или вернись сюда. Мой дом здесь.

– Я думала, ты живёшь... жил в городе.

– Нет. Я продавал там шкуры. Мы не живём в городе. Город у наартов для торговли и для праздника. Вы напали в

праздник, в Дни осенних духов...

– Прости...

– Не за что. Ты же не виновата, это сделали другие.

Она замолчала и спросила после довольно длинной паузы:

– За горой у тебя есть семья? Ты их тоже слышишь? Говоришь с ними сердцем?

– Нет. Не так далеко. И мы не слышим всех и всегда. Только если позовут, можно услышать и ответить. Я не зову, меня тоже не зовут.

И, отвечая ей, он снова непроизвольно услышал крик страха и боли, который обрушился на него в тот день на улицах города. Тогда не звал только мёртвый.

На севере, наверное, уже узнали, что стало с городом. Не может быть, чтобы он один выжил. Люди, конечно, постараются истребить всех наартов поблизости, но едва ли так быстро вторгнутся в горы: они здесь чужие, и скоро ляжет снег. Но весной они наверняка захотят пойти дальше. Они ненасытны. Значит, время, когда они с Юуз в относительной безопасности, – это время до весны. Пока она может позаботиться о себе сама, он должен будет оставить женщину здесь и отправиться за перевал, узнать, что решат старейшины.

Когда он сказал об это Юуз, она запротестовала и стала проситься идти с ним.

– Забудь, – сказал он ей. – Ты должна позаботиться о себе и ребёнке. Даже если у тебя ещё не вырос живот, всё равно ходить по холоду, по скользким камням и ночевать на морозе

тебе нельзя. Разве не знаешь?

По лицу Юуз он понял: женщина не предполагала, что ему известна её тайна.

– Не смотри на меня так. Наарты слышат хорошо, а у твоего ребёнка уже бьётся сердце... И свою кровь мы тоже чувствуем. Но если это не моё дело, если не хочешь говорить об этом, не говори. Только береги себя и его...

Юуз машинально кивнула. Она думала, думала очень напряжённо. Наверное, решала, рассказать ему всё или нет. Женщина подняла глаза: в них была тоска, тоска обреченного умереть существа. Почему? Отчего?

– Я устала, – тихо произнесла она.

Она улыбается и спасает его, хозяйничает, делает вид, что ей не тяжело, скачет, как горная коза, по уступам и всё время говорит о чём угодно, только не о себе. Не о своём прошлом. Не о своём будущем. Не о своём горе, одиночестве, страхе. Не о ребёнке, который никогда не узнает отца. Вокруг неё – словно изгородь из всяких «не». И вот теперь это «да», как упавшие стенки изгороди. Да, она устала. Молчать. Жить только настоящим.

Юуз стала сматывать шарф, закрывавший шею почти до подбородка. Она всегда носила этот шарф: и на воздухе, и в доме. Агсар думал, что это или вера у неё такая, что не позволяет оголять шею перед чужим мужчиной, или пятно, родинка, которых Юуз стесняется.

Но под шарфом оказался шрам; словно след от ошейника,

ОН ОХВАТЫВАЛ ВСЮ ШЕЮ.

– Смотри. Вот.

– Что это?

– Я сидела на цепи. Днём ходила в ошейнике, работала, ночью хозяин сажал на цепь. Чтобы не убежала. Но, говорил, что если убегу, он всё равно меня быстро найдёт. Наарты хорошо слышат и могут найти по запаху. Да, тебе не нужно мне это часто говорить. Он говорить мне это два года... Он говорить на свой язык, но я уже выучила и понимала... Когда ты говорить, я вспоминать его...

От волнения она начала сбиваться и говорила с трудом: словно сам язык наартов не хотел служить ей, не хотел выдавать мрачную правду.

– Твой хозяин был не из людей? Как ты к нему попала?

– Меня продали. Люди продали наартам, продали ему... Ты говоришь, береги ребёнка... Я не знала... Я не хотела, чтобы это быть правда... Его ребёнок... Я не хочу его!.. Ты ради этого ребёнка меня защищать хочешь? Нет!.. Я не буду ждать тебя здесь. Я не буду ждать этот ребёнок!.. Этот ребёнок не родится!..

Ты тоже теперь посадишь меня на цепь? Да? Он думал, что я не убегу... Но я убежала... А он умер. Ты думаешь, что я не убегу? Что я не смогу умереть, если захочу? Нет! Если захочу, ты сам меня убьешь... Вот, слушай: это я сыпала яд вам в воду. Хозяин пришёл в город на праздник, вся его семья пришла, и я пришла. Но по дороге меня нашли люди и

дали яд. Попросили помочь победить вас. Сказали, что я буду свободна и смогу отомстить. Днём хозяин посылать меня за водой, я ходила к разным колодцам и везде бросала яд... Я смотрела, как вы мучаетесь и умираете... Тысячи! Да, тысячи! И женщины!.. И дети!..

– Замолчи!

– Убивай: это я их всех убила! Убивай меня!

Это было просто, так просто, что не укладывалось в голову. Что теперь делать с ней? В самом деле держать на привязи, чтобы выносила ребенка? Отвести на суд к старейшинам? Швырнуть в пропасть со скалы?

Вот отчего была такая тоска в её глазах.

Юуз привела смерть в город, Юуз отогнала её от него, и вот теперь она сама должна заплатить ей свою дань. Что бы ни решил Агсар, это никак не изменит положение: у Юуз дела не с ним, не с наартами, не с людьми, у неё дела со смертью. И Юуз понимает это.

– Я не хочу тебя связывать. Я не хочу тебя убивать. Дай мне слово, что ты ничего не сделаешь: ни себе, ни ребенку.

Женщина опустила голову, то ли кивнула, то ли не хотела соглашаться.

В доме стало тягостно – впервые за то время, как они пришли сюда.

– Ты тогда спасла меня. Почему? Ты же хотела быть свободной, почему не ушла к людям?

– Какая разница. Я испугалась, ты хотел убить меня.

– Нет, ты же видела, что я не смогу этого сделать. Ты каждый день могла уйти. Но ты осталась.

– Осталась. Не знаю. Может быть, пожалела.

– А сейчас бы?

– Что сейчас?

– Если бы сейчас у тебя был выбор: ты бы меня убила?

– Наверное.

Он зачерпнул воды в ковш, поставил на стол.

– Я выйду ненадолго. Положи яд в воду. Для меня.

Ночь была тихая, не очень холодная, но сырая. Если боль будет сильной, можно просто, раскинув руки, упасть со скалы.

Стоит ли целый город одной человеческой жизни? Стоит ли одна жизнь целого города? Примут ли его предки? И что он скажет в своё оправдание?

Ни один ответ не приходил в голову. Ему, как и Юуз, хотелось просто, чтобы всё кончилось.

Когда он вошёл в дом, женщина со страхом взглянула ему в лицо. Наарт спокойно подошел к столу, взял ковш и неторопливо, но решительно выпил воду – всю, без остатка.

– Ты свободна. Но ты дала мне слово. Береги себя.

Сырая ночь приняла его. Влажная морось, как и в тот день, когда пал город, прилипла к щекам. Что бы ни сказали предки, эти дни имели смысл. И его жизнь – тоже. Как и теперешнее решение. Всё имело какой-то смысл.

– Агсар!

Она крикнула это громко. Стояла на пороге дома, вглядываясь в темноту. Она так крикнула, что хотелось броситься, подбежать к ней, обнять: утешить, хоть немного уменьшить её отчаяние и неизбывное горе. И он, боясь обнаружить себя, стоял поодаль, надеялся, что Юуз его не увидит и, в конце концов, уйдёт назад.

Чувства, даже плохие, рано или поздно исчезают. Горе постепенно отпустит её, а после и память об этом дне сотрется.

Но Юуз, не дождавшись ответа, шагнула вперед. В темноте она видела плохо, к тому же не знала, в какую сторону идти. Не поскользнулась бы, не сорвалась ненароком.

И наарт, кляня себя за слабость, быстрым шагом пошел к ней.

Едва заслышав шаги, Юуз издала какое-то восклицание, вскрикнула, как кричат испуганные дети, обернулась, подалась навстречу, и, как только они оказались рядом, обняла его – крепко, словно никогда не собиралась отпустить. Обняла и зарыдала.

«Прости! Прости!», – ничего, кроме этого, она не говорила. И лишь спустя какое-то время, когда он смог успокоить её, Агсар узнал то, что Юуз не рассказала ему прежде.

Когда случай столкнул их на кромке оврага, она бежала из города. Что она вливает в колодец смертельный яд, Юуз не знала. Её убедили, что это средство вызовет колики и заставит наартов маяться животом. Тогда женщина и другие рабы

из числа людей смогут беспрепятственно ускользнуть. Каждому из них дали яд и маленькую склянку с противоядием – на случай, если подозрительные хозяева заставят выпить отравленную воду.

Когда наарты стали мучительно умирать, когда загорелся город, Юуз испытала ужас. При всей ненависти, она и не помышляла о такой мести.

Она бросилась прочь, бежала, куда глаза глядят. Падение в овраг остановило панический страх. Она увидела умирающего – умирающего безвинно и, одновременно, по её вине – и поняла, что должна спасти: хотя бы кого-то, хотя бы одного...

– Юуз... Пожалуйста, спаси еще одного... Ты можешь...

«Таким образом, игровая терапия представляет перспективную область исследования и разработок, в том числе в такой сложной сфере как реабилитация жертв насилия. Объединение усилий программистов и психологов оказалось очень плодотворным, а тестирование прототипа помогло нам, разработчикам, сфокусироваться на доработке деталей. В состав команды, которая дорабатывала продукт после первого тестирования, вошли некоторые из протестировавших его пользователей, успешно прошедшие курс реабилитации. В данный момент мы запускаем тестирование ещё одной, новой версии, тестовая группа уже набрана. Надеемся на интерес к нашим разработкам, будем рады участию инвесторов

в развитии проекта реабилитационных компьютерных игр. Спасибо за внимание».

Представление проекта закончилось. Молодая женщина в черном брючном костюме, проводившая презентацию, выходя из конференц-зала, достала из сумочки телефон. Один пропущенный вызов. Она посмотрела контакт: «Агсар». Вызвав абонента, женщина направилась через коридор к лестнице.

– Да, закончила. Хорошо. Так хорошо, что мы с тобой сегодня можем отпраздновать. Конечно, по дороге всё расскажу. И, если ты помнишь, у нас с тобой есть ещё один повод для праздника. Да. Ты меня встретишь? Хорошо, поняла, уже выхожу.

Для создания обложки использован шаблон с сайта бесплатных шаблонов для создания презентаций: <https://presentation-creation.ru/>